

Дуэли пришли в Россию с Запада, когда Пётр I начал приглашать в страну иностранцев. Но Пётр не мыслит, чтобы дуэли стали российской традицией: жизнью и честью подданных может распоряжаться только самодержец. В 1716 году Пётр I издал особый артикул "Патент о поединках и начинании дуэли". С тех пор и до конца 19 века дуэли в России запрещены. В 1762 году внуком Петра I Петром III был издан манифест - объявлена "Вольность дворянская". Впервые в русской истории запрещалось пороть дворян. Но люди с таким личным достоинством и честью, как у Пушкина или декабристов, не могли появиться сразу после него. Нужно было, по меньшей мере, два поколения, так сказать, "непоротых" дворян, "непоротых поколений", чтобы борьба за "самостоянье человека", за личную честь стали фактом общественной жизни.

В художественной литературе Пушкин первый размышляет о дуэли, начиная с "колотой" дуэли 18 века в "Капитанской дочке" и затем - дуэли первой трети 19 века: "Кавказский пленник", "Евгений Онегин", "Выстрел", план "Романа на Кавказских водах".

При слове "дуэль" невольно возникает мысль о поединках самого Пушкина и его литературных героев.

О дуэлях Пушкина, вернее, о некоторых - обо всех невозможно, - мы знаем из дневников, воспоминаний и писем современников поэта. Рассказ об его известных поединках был бы, вероятно, сам по себе, интересен, даже увлекателен. Но ... если бы не было дуэли на Чёрной речке. Сегодня нам видится дуэльная биография Пушкина с высоты этой последней дуэли, с её трагической вершины оглядываемся назад.

Как Пушкин шёл и пришёл к этому праву на поединок, на смертельный поединок?

Предположительно у Пушкина было около или чуть больше двадцати дуэлей. 5 раз вызов на дуэль исходил не от него. Его вызывали и стрелялись с ним Кюхельбекер, Зубов, Старов, француз Л. и Дантес. Все дуэли, кроме последней, были бескровны, в некоторых поединках всё ограничивалось вызовом, в иных - примирением на месте дуэли, иногда - после одного выстрела. Первая дуэль даже без вызова произошла ещё в Царском Селе - с гусаром Кавериним. А первая с вызовом на дуэль - недалеко от Михайловского с двоюродным дядей П.И. Ганнибалом. Петербург (1817 - 1820)

Дуэльная известность молодого Пушкина была довольно шумной. Но если посмотреть на поединки, предположим, Рылеева, Грибоедова, Лунина, вообще многих молодых людей этого круга, - их дуэльные биографии просто легендарны. Это явление "корпоративное". Сказывался тот культ свободы, который прокламировался тогда в общественном сознании. "Здорово, рыцари лихие любви, свободы и вина!" (А. Пушкин "Юрьеву"). Свобода - это, конечно, свободолюбие, но не только. Поединки обостряли чувство внутреннего подъема, расцвета жизненных сил. Это состояние питало и память о победе в Отечественной войне. А представим Пушкина: после шести лет Лицея - в Петербурге. Он жаждал действия. И всё же его дуэльная биография в какой-то мере - игра с судьбой. Слово это - судьба - очень пушкинское, на протяжении всей его жизни.

В России дуэльного кодекса не было. Но, безусловно, основные европейские дуэльные правила знали, хотя корректировали их довольно смело, в том числе и Пушкин.

Среди петербургских пушкинских дуэлей хорошо известна, например, с Кюхельбекером, потребовавшим дуэли из-за нескольких шуточных пушкинских строк. Отголосок этого поединка - в ситуации с лицейским однокашником бароном Корфом. Корф не принял вызова и написал: "...не потому, что Вы Пушкин, а потому, что я -не Кюхельбекер".

Куль свободы этих молодых честолюбцев выражался иногда весьма своеобразно. Вспомним театр тех лет: "Где каждый, вольностью дыша, Готов охлопать антраша, Обшикать Федру, Клеопатру, Моину вызвать (для того, Чтоб только слышали его)."

Эти строки почти конкретны. Например, как-то у Пушкина не совпали театральные вкусы с майором Денисевичем и он мешал ему слушать пьесу. Денисевич назвал Пушкина "школьником". Пушкин не стерпел обиды и вызвал майора на дуэль. Лишь благодаря дуэльным переговорам И. Лажечникова дело уладили.

В эти годы вольнолюбивые стихи Пушкина "наводнили Россию", - по формуле Императора Александра I. В мае 1820 года Пушкин был отправлен в неофициальную ссылку и выехал на юг. Его провожали до Царского Села А. Дельвиг и Н. Яковлев. По-видимому, они были секундантами в дуэли с неизвестным, которая произошла недалеко от Петербурга. Полагают (например, В. Набоков), что это была дуэль с Рылеевым. В письме Пушкина к Александру Бестужеву из Михайловского читаем: "...он идёт своєю дорогою. Он в душе поэт. Я опасюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай, - да чёрт его знал" (24 марта 1825 г.).

В год приезда на юг в поэме "Кавказский пленник" Пушкин, впервые в своем творчестве, пишет о дуэли. Дуэльное прошлое пленника явно восхищает молодого поэта.

"Невольник чести беспощадной, Вблизи видал он свой конец, На поединках твёрдый, хладный Встречая гибельный свинец."

На юге Пушкин узнал, что Федор Толстой - Американец, распространял о нём оскорбительные слухи. С тех пор, с

нец, убедившись, что в "Дон Жуане" поединка нет, он зарядил два пистолета... Смерть Ленского, все, что поэт говорит при этом, может быть, в своем роде лучшие и трогательнейшие из стихов поэта". (Байрон написал 16 глав, или песен, "Дон Жуана"; 17-я осталась незавершенной из-за смерти поэта в 1824 году. - Н.Б.) Не держиваюсь на школьной формуле о том, что оба героя близки Пушкину. Дуэль Ленского и Онегина - особая стихия романа. Вся аморальность именно этой, так сказать, конкретной дуэли гениально представлена Пушкиным через страшную, зловещую фигуру секунданта Зарецкого, в которой узнают реальные черты графа Ф. Толстого - Американца. "Умел он весело поспорить, //Остро и тупо отвечать, // Порой расчётливо повздорить...// Друзей поспорить молодых// И на барьер поставить их..." А далее:

"В дуэлях классик и педант// Любил методу он из чувства.// И человека растянуть// Он позволял не как-нибудь, // Но в строгих правилах искусства". Но в этой дуэли Зарецкий как раз не "дуэльный классик и педант". Наоборот, он нарушает дуэльные правила. Он ведёт себя так, что становится единственным распорядителем дуэли. Это строжайше запрещалось.

ПУШКИН. ДУЭЛЬ

1820 года до встречи и перемирия в Москве в 1826 году, он постоянно готовился к дуэли с ним. Часто сажал пулю за пулей, укрепляя руку, носил железную трость.

Кишинёвский период особенно богат дуэльными ситуациями. В двадцать первом году он стрелялся с Зубовым, отличным стрелком, офицером Генерального штаба. Пушкин уличил его в нечестной игре.

Зубову выпал первый выстрел. Пушкин, в ожидании его, стоял, ел спелую черешню и выплёвывал косточки. Но Зубов промахнулся. Пушкин не использовал своего выстрела. В двадцать втором году Пушкин получил вызов от полковника Старова. Погода была метельная, в двух шагах ничего не видно. Первый барьер - два промаха, сдвинули барьер - опять два промаха. Дуэлянты хотели продолжать, но секунданты воспротивились. Старов, знавший толк в храбрости, сказал: "Вы так же хорошо стояли под пулями, как хорошо пишете". Однажды Пушкин вызвал сразу полковника Федора Орлова и своего приятеля Николая Алексеева. Ссору удалось погасить. Хладнокровие Пушкина поражало. Липранди вспоминал: "Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным как лёд... В таких случаях подобной природы, как у Пушкина, я встречал очень немногих".

Какие мотивы кишиневской дуэльной биографии Пушкина? Чем они отличны от петербургской? Здесь всё - иное. В южный период Пушкина тревожили вещи весьма конкретные. И прежде всего - странность его положения. Он был первым поэтом России - т.е. фигура масштаба общенационального. Но при этом, по другой шкале, - мелкий чиновник и, хоть знатного рода, но бедный дворянин. И - ссылка, хотя числился чиновником в Коллегии иностранных дел. Всё это порождало острое ощущение нравственной опасности, постоянной возможности покушения на достоинство. Он это точно сформулировал в одном из писем: "Воронцов... видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое". Т.е. мотивы поединков отличались, как видим, от петербургских. В южной ссылке дуэльная биография Пушкина завершилась своеобразным одесским поединком. Противник поэта растерялся, не выдержал, Пушкин его отпустил.

На 12 лет прервалась дуэльная биография поэта. Но дуэльная тема, в чём-то автобиографическая, в его произведениях не прерывалась. Она претерпевала существенные изменения, исчезала романтизация её, как в "Кавказском пленнике". У зрелого Пушкина взгляды на дуэль усложнились. Пришли раздумья о собственном дуэльном опыте, о сложной правде, неоднозначности такого явления, как дуэль. Рассмотрим два произведения - в стихах и в прозе.

Ранние замыслы "Онегина" нам не известны. Пушкин, как рассказывал Адам Мицкевич в своих лекциях, был сильно озабочен поединком. "В этой заботе есть в самом деле какое-то тайное предчувствие. С другой стороны... он боялся, что певец "Дон Жуана" упредит его... Он говорил, что после Байрона никак не осмелится вывести в бой противников. Нако-

Он сознательно игнорирует всё, что может помешать дуэли. Зарецкий, как секундант, обязан был с секундантом Онегина обсудить возможность примирения. Он смолчал, вручая вызов, "...встал без объяснений...имея дома много дел". Зарецкий мог остановить дуэль из-за опоздания Онегина или из-за социального неравенства секундантов, что запрещалось. Но Зарецкий, "некогда буйан, картёжной шайки атаман", заинтересован в том, чтобы дуэль состоялась. Чужие судьбы его не волнуют. При любом исходе дуэли в обычной тиши уезда он становится героем дня. И потому игнорирует все нарушения правил, зловещие нарушения. Но сам Онегин, светский человек, человек пушкинского круга - тоже нарушитель ритуала: его секундант - слуга. Не раз Пушкин был готов стреляться без секунданта. В дуэли с Дантесом он предложил противной стороне подобрать ему секунданта, хоть лакея. Для Пушкина цель дуэли была - в защите чести, а на ритуально-светские обряды дуэли он порою не ориентировался. Онегин - ориентируется, но не на ритуал дуэли, а на диктат Зарецкого. Он вполне разгадал и глубоко презирает его. Всем, кроме Ленского, было ясно, что вызов юного поэта не несёт идеи чести, это даже не самолюбие молодости, а просто недоразумение. Пушкин предлагает варианты поведения Онегина: он может принять решение сердцем - ведь он Ленского любит; умом, ибо умён и опытен; наконец, честью - истинно. Татьяна скажет потом: "В вашем сердце есть и гордость и прямая честь".

"... Евгений, Всем сердцем юношу любя, Был должен оказать себя Не мячиком прерассуждений, Не пылким мальчиком, бойцом, Но мужем с честью и умом".

Однако Онегин оказывается пешкой в руках Зарецкого. Пушкин показывает, как дуэльная ситуация втягивает людей, почти лишая их индивидуальной воли. Засысывающая стихия поединка была, вероятно, испытана Пушкиным и на себе. Ответ Онегина Зарецкому - почти автоматический:

"Онегин с первого движенья К послу такого порученья Оборотясь без лишних слов Сказал, что он всегда готов".

Пушкин предложил Онегину выбор: сердце, ум, честь - в её высоком смысле. Но в следующей строфе слово "честь" - уже со знаком минус. Онегин думает о невозможности отложить поединок: "К тому ж - он мыслит - в это дело Вмешался старый дуэлист; Он зол, он сплетник, он речист... Конечно, быть должно презренье Ценой его забавных слов, Но шёпот, хохотня глупцов... И вот общественное мненье! Пружина чести, наш кумир! И вот на чём вертится мир!"

Поведение Онегина колебалось между естественным человеческим чувством и боязью слыть трусом или смешным.

Механизм, с помощью которого общество, презираемое Онегиным, всё же

Ковержнев. Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккерен 27-го января 1837 г. (с картины, писанной по словесной передаче академиком Волковым) гравюра Герасимова.

ПУШКИН. ДУЭЛЬ

"Скажите, вашу душой//Какое чувство овладеет, Когда недвижим на земле, Пред вами с смертью на челе//Он постепенно костенеет, Когда он глух и молчалив //На ваш отчаянный призыв?"

Пушкин пишет о цене одной - читай: каждой - человеческой жизни:

"...Быть может, он для блага мира //Иль хоть для славы был рождён... ..А может быть и то: поэта //Обыкновенный ждал удел..."

И в черновике: "...Он совершить мог грозный путь..."

"...Иль быть повешен, как Рылеев..."

Пушкин пишет о страшной жестокости дуэли, возможности гибели человека. Но в то же время в "Онегине" со жгучей остротой он ставит проблему её трагической неразрешимости. Он видит сложную правду: огромный диапазон дворянского понятия - честь. Начиная с ложного понятия её, как в "Онегине".

Закончив, в основном, "Евгения Онегина" в 1830 году в Болдино, Пушкин там же создаёт "Маленькие трагедии" и "Повести Белкина". До этого - план "Романа на Кавказских водах", в основе которого тоже дуэльная тема. "Повести Белкина" начинаются новеллой "Выстрел". Герой её - Сильвио, который на всех дуэлях в своём полку "бывал или свидетелем или действующим лицом". В повести конфликт небогатого, смелого, в чём-то странного Сильвио с богатым красавцем графом, прибывшим в полк. Изнуряющая готовность Сильвио везде видеть обиду и обороняться была глубоко пережита самим Пушкиным. Но и у графа - тоже пушкинские черты. Он из знатного рода, у него "весёлость самая бешеная, храбрость самая беспечная". Оба жили в душе Пушкина. Между Сильвио и графом возникла дуэльная ситуация. Граф, по жребию, стрелял первым и промахнулся. В ожидании ответного выстрела он спокойно ел черешню. Сильвио отказался стрелять. "Вам, кажется, теперь не до смерти?" Поединок отложили. В этой "отложенной" дуэли узнаётся затянущаяся ссора Пушкина с Фёдором Толстым - Американцем. "С тех пор, - говорит Сильвио, не прошло ни одного дня, чтоб я не думал о мщении" - Узнав, что граф женится, что он счастлив, Сильвио едет к нему - продолжить дуэль. Прямо в кабинете графа, нарушив ритуал - без секундантов - отмерил 12 шагов. Но Сильвио опустил пистолет: "Не могу целить в безоружного". Снова жребий, и снова первый выстрел графа. Сильвио унизил его, заставил второй раз стрелять без ответа за первую дуэль. Граф промахнулся. Сильвио стал прицеливаться, но в кабинет вбежала жена графа. Граф уверил её, что они шутят. Сильвио обратился к графине: "Он всегда шутит...Однажды дал мне шутя пощечину, шутя прострелил эту фуражку, шутя дал сейчас по мне промах". Граф закричал: "Будете ли вы стрелять?" "Не буду, - отвечал Сильвио, - я доволен: я видел твоё смятение, твою робость, с меня довольно. Будешь меня помнить. Пряду тебя твоей совести". Такой обернулась месть Сильвио - графу. Он вышел, кликнул ямщика и уехал. Странный Сильвио? Могут сказать: "Рядом не было Зарецкого". Но суть повести именно в самой личности

Сильвио, а не в обстоятельствах. Онегин колебался между естественным поведением и "хохотней глупцов". Сильвио, так жаждавший мщения, может убить - и не убивает, имеет право на жестокость - и не пользуется этим. Сильвио - человек свободы. Он выбирает, в отличие от Онегина, естественное поведение - спасительную силу ответственности. Значит, обстоятельства не всегда подавляют людей. Пушкин находит ту искру, те "пружины жизни", которые поднимают человека над обстоятельствами. Экцентричный Сильвио, которого мы в начале даже побаиваемся, выходит из повести существом обыкновенно прекрасным.

Нравственная атмосфера в России стремительно менялась. В царствование Николая атмосфера была лишена того кислорода, который поддерживал пламя чести. "Как человек с предрассудками - я оскорблён", - писал Пушкин. Он видел, как исчезал высокий смысл дуэли. Но не для Пушкина. Своё последнее произведение в прозе, гениальную "Капитанскую дочку", он предварил эпиграфом: "Береги честь смолоду".

В конце 1836 года в жизни поэта вновь сложилась дуэльная обстановка, на этот раз смертельная. Обстоятельства известны. Это была не ревность, как иногда трактуют, - соединилось всё: и честь семьи, и личное самолюбие, и независимость, и презрение к светской черни, олицетворением которой был Дантес, и личное бесстрашие, и потребность защиты своей репутации первого поэта России. В этих обстоятельствах он видел в дуэли единственное, жесткое средство борьбы личности с враждебным миром. К такому праву на поединок он шёл с юности, через опыт, сомненья и раздумья зрелых лет. Но ... Пушкин не мог послать вызов Геккерем: 23 ноября 1836 года на личной аудиенции у Николая I он обещал это царю... Нарушить слово Пушкин не мог. Но и бездействие было нестерпимо. 25 января 1837 года Пушкин отправил Геккерну - старшему письмом, обличающее обоих. "...Вы, представитель коронованной особы, вы отчески сводничали моему сыну... Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына, а когда, заболел сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней..." (Перевод с французского). 26 января утром Дантес послал Пушкину вызов на дуэль.

Николай I писал родным: "... Он (Геккерн - Н.Б.) точно вёл себя, как гнусная каналья..."; "...Пушкин оскорбил своего противника столь недостойным образом, что никакой иной исход дела был невозможен".

Своё право на дуэль Пушкин завершил на Чёрной речке...

И как тогда, в "Онегине", - зима, снег.

"Недвижим он лежал, и странен Был томный мир его чела..."

Николай I - И.Ф. Паскевичу: "...Он умер от раны за дерзкую и глупую картель, им же писанную, но, слава Богу, умер христианином".

На второй день после смерти Пушкина Императрица Александра Федоровна в записке С.А. Бобринской написала: "Бедный Жорж, как он должен был страдать, узнав, что противник испустил последний вздох. После этого, как ужасный контраст, я должна вам говорить о танцевальном утре, которое я устраиваю завтра..."

"Литературные прибавления", 1837, № 5. 30 января: "Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался!"

"Потух огонь на алтаре!" "Е.О."